

О ВОВЧИК Л. Е. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВОВЧИК Лидия Евгеньевна, родилась в 1900 в селе Буша Ямпольского уезда Каменец-Подольской губ. Получила высшее образование, химик-агроном; с 1918 по 1934 — член ВКП (б). Проживала в Харькове, работала химиком на заводе "Новая Бавария". Вышла замуж за писателя Василия Блакитного, в семье — дочь Майя, с 1924 — вдова (муж скончался). 11 июня 1937 — арестована как «участница контрреволюционной националистической организации», обвинена «в шпионаже и антисоветской деятельности». 11 октября 1937 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь¹.

В ноябре 1937 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью ее дочь, ученица 7-го класса, Майя Вовчик-Блакитная.

«17/XI-1937 года»

Тов<арищ> Пешкова

11 июня, ночью арестовали мою маму. Сначала она была на Чернышевской, и я два месяца носила передачи (еды не принимали), и переводом посылала деньги. Но когда я третий раз послала 50 руб<лей>, так они вернулись обратно, а на Чернышевской мне сказали, что мама в тюрьме — на Холодной горе. Целый месяц я ничего не передавала маме, потому что не могла найти ее. 24/IX вечером я случайно узнала, что мама выезжает, и что вагон стоит на Сортировочном пункте. Я взяла мамино пальто и теплые вещи, уложила в чемодан и поехала на Сортировку. Приехала я в 12 часов ночи и уже не могла никак найти поезда. 25-го в 4 часа утра (я очень боялась, что уже не застану мамочку) я приехала и стала искать эшелон арестованных. Когда я нашла его, было уже 9 часов. Я подошла к стрелку и спросила: "В каком вагоне Вовчик Лидия Евгеньевна", — но он сказал, что он не знает, и что, вообще, здесь этого не говорят, а что надо идти много вагонов и узнавать в окно. Я пошла по путям и ни в одном окне не видела мамочки, и думала, что уже не увижу ее. Но в предпоследнем вагоне из окна высунулась рука и вылила воду из консервной банки. Мне показалось, что это мамина рука. Я подбежала и узнала свою родную мамочку. Она так обрадовалась! Мамочка все время улыбалась и что-то говорила, но мне не было слышно, а когда я подошла немножко к вагону, стрелок крикнул, что будет стрелять. Когда проходил мимо вагона начальник, мама попросила его, чтобы мне позволили подойти к вагону. Она говорила совсем тихо, не своим голосом и как-то заикалась. И она так просила, так просила... Но начальник сказал: "Обойдетесь". Я старалась не плакать, чтобы не волновать мамочку, ну, тут заплакала, а она улыбается, чтобы меня подбодрить, а у самой так слезы и катятся. Я подошла к вагону, мамочка говорит: "Маечка, ты ж меня знаешь? Верись в меня? Передай на работе товарищам, что я не виновата и не знаю, за что я здесь! Я не враг народа!" — и заплакала, а потом как закашляется и сразу закрылась платком. Она так кашляла, будто у нее в груди совсем пусто, а потом повернулась и говорит — "я немножко простудилась, здесь ночью холодно" — а я сама видела на платке кровь. Потом попросила, чтобы я купила хлеба, говорит: "Я немножко проголодалась", — а сама еле говорит. Спросила, как я занимаюсь, изучаю ли немецкий, занимаюсь ли по музыке. Говорит: "Расти, учись — будь полноценным человеком Советской страны". Потом отвернулась, а я побежала и купила на станции хлеба и пряников (больше ничего там не было). Как только я пришла, как раз начали принимать. Отперли дверь, а мамочка вышла и стала против двери и смотрит на меня. Родненькая

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

мамочка так сильно похудела! Что смотреть страшно. Такая усталая, измученная. Лицо пожелтело, глазки впали и блестят, щечки — так будто ямы, а на руке все косточки и жилки видно, платье и чулки широки и висят и даже туфли велики стали, так похудела. А говорит — "немножко голодна". Потом сразу задвинули дверь и стали меня прогонять от вагона.

На другой день <взяла> все, что было теплого и еды, и пришла. Я пообещала маме, что получу грамоту. Мы условились, что мама будет писать с дороги, что летом я обязательно приеду к ней. Потом начали формировать поезд, и мне не позволили стоять. Когда сформировали эшелон, мамочка все время махала платочком. Я крикнула: "До скорого свидания!" И она ответила — «до скорого, до скорого!" Я уже не могла удержаться и начала плакать, и мамочка крикнула: "Выше голову! Жизнь очень интересная, многогранная вещь!" Поезд тронулся, а мамочка машет платочком и все старается улыбаться. Когда уже не видно стало платочка мамино, я подумала, что этот поезд увозит мою дорогую родную мамочку, и я даже не знаю, куда она едет и когда вернется. И было как-то страшно и пусто. Всю жизнь я прожила вдвоем с мамой. Отец мой — писатель Блакитный — умер, когда мне не было и 2-х лет.

Мне 14 лет, я в 7 классе.

Я уже не маленькая и думаю, что когда бы я узнала, что мамочка заслужила высылку, я бы нашла в себе силы примириться с тем, что у меня нет больше мамы.

Но я ведь знаю свою маму, знаю ее мысли. Сколько я помню маму, я еще никогда не видела, чтобы кто-нибудь собирался у нее или она к кому-нибудь ходила. Мама поддерживала связь только со своей сестрой, с ее мальчиком я занимаюсь по-немецки и по музыке. Я всегда видела, как относится мама к работе и к своим товарищам. Здоровье у мамы плохое, но она совсем не хочет беречь себя. На работу она едет в 7 часов (она работает химиком на заводе, на "Новой Баварии" и каждый день ездит поездом) и возвращается в 6 -7 часов вечера. Мамочка так устает за день, что когда она приезжает домой, так у нее хватает сил только на то, чтобы просмотреть газеты и поговорить со мной. Я знаю, главное у мамы в жизни были только — работа и я. Мамочка никогда не "служила", чтобы получать деньги, а всегда работала так, как только могла и не жалела себя, для того чтобы принести пользу нашей стране и быстрее построить социализм. Меня она учила так же относиться к работе. Мамочка очень беспокоилась об моих успехах (я окончила все 6 классов на "отлично"), о том, как я работаю в школе. Она показывала мне ошибки в моей работе и рассказывала, как надо их исправить. Мы вместе читали газеты, и мама объясняла то, что мне было не понятно. Общественную работу я исполняю хорошо. Мамочка воспитывала из меня настоящего, полноправного, всесторонне развитого человека, достойного звания человека СССР. Всегда она говорила о моих обязанностях, как ученицы и пионерки. Она научила меня любить нашу Советскую страну и хороших людей, которые укрепляют ее, и ненавидеть подлых врагов ее. И как же может быть, чтобы моя мамочка-ударница была врагом той страны, которой она отдает жизнь и силы и которую учила меня любить.

Я очень люблю свою маму и она меня тоже, ведь я же одна у нее. А сейчас я знаю, как тяжело маме, что меня нет (мы всегда ездили вдвоем), но еще тяжелей, что ее обвиняют врагом народа.

Я очень беспокоюсь об маме. Она у меня совсем слабенькая — у нее большое сердце и печень (каждый месяц припадок), она перенесла очень тяжелую операцию и сейчас живет совсем без желчного пузыря. А сейчас у нее открытый туберкулез легких. Я боюсь, что мамочка уже заболела, — она и дома не могла почти ничего есть и была на легкой, диетной пище (потому что, как что-нибудь съест — припадок печени) и всегда была очень

худенькой, а сейчас я даже не знаю, что она будет есть. Я передала еды, но мамочка у меня такая, что сразу со всеми поделится (в вагоне еще 33 уголовные женщины), а сама ничего не будет есть. Мамочка очень хотела скорее приехать на место, чтобы работать (она говорила, что в камере было 98 человек, и она очень устала), а я боюсь, что ей дадут какую-нибудь работу (копать или песок носить), а она сразу как схватится, так уже будет ударницей и никогда не скажет, что ей тяжело, пока не свалится с ног. Я так боюсь, что мамочка заболеет, ведь мамочка в жизни бывает только одна, а другой никогда уже не будет.

Я вот до самого 24/IX все ждала мамочку, думала: разберутся во всем, и она придет опять ко мне. Ну, а теперь все думаю, что летом увидимся. Мне на станции стрелок сказал, что едут на Владивосток и приблизительно 48 дней, а уже как много времени прошло, а письма все нет.

Товарищ Пешкова! Мне говорили, что Вы многим помогаете, помогите мне узнать, когда вернется мамочка и ее адрес (я ей посылки буду посылать), и я Вас очень прошу, если можно, сделайте так, чтобы мама не на тяжелой работе была (мама моя химик и агроном).

Я сейчас живу у тети. Она меня любит и создала все условия для того, чтоб я могла спокойно учиться. Но мне стало тяжелей заниматься. Начну учить что-нибудь и подумую: а где это мамочка едет, здорова ли, ну, и начну уже все о маме думать. Или в школе на уроке подумую, а может у мамочки сейчас припадок? (последний раз очень тяжелый припадок был, доктор думал, что мамочка не выдержит), или может быть больна — простудилась; и прямо плакать хочется.

Но грамоту я получу — я ведь пообещала. А как мама обрадуется, когда узнает.

А из школы домой бегу, думаю, может быть, письмо есть, а посмотришь в ящик — ничего нет.

Ну, а теперь Вашего письма также ждать буду. Знаете, я долго думала, кому мне написать, и чего-то мне показалось, что лучше всего — Вам, что Вы мне сможете помочь. Пожалуйста, напишите мне. Я буду ждать.

Майя Вовчик-Блаkitная.

Адрес:

Харьков 23, ул<ица> Карла Либкнехта, № 110, кв<артира> 36.

Майе Вовчик-Блаkitной»².

После окончания школы Майя Васильевна Вовчик вышла замуж, став Вовчик-Голубой. С началом Второй мировой войны добровольцем ушла на фронт, став радисткой-разведчицей. В 1942 — ее боевой подвиг был отмечен орденом Красной Звезды, а в 1944 — орденом Отечественной войны второй степени.

Майя Васильевна Вовчик-Голубая должна была получить свои боевые награды в Москве, она заранее подготовила письмо-просьбу и вручила его тому, из чьих рук получала награды; осенью 1944 — Лидия Евгеньевна Вовчик-Блаkitная была досрочно освобождена из лагеря³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1607. С. 8-13. Автограф.

³ Боевой подвиг. nobel.kiev.ua›family/30043-zaschitit-rodnuju-...